

DOI: 10.7868/S0321039118010077

АКАДЕМИК С. А. ЖЕБЕЛЁВ, ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ: СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ АКАДЕМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В ТАШКЕНТЕ 31 ЯНВАРЯ 1942 г.

С. Г. Карпюк¹, О. В. Кулишова²

¹ *Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия*

E-mail: oxlos@yandex.ru

² *Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия*

E-mail: o.kulichova@spbu.ru

Авторы рассматривают деятельность академика С. А. Жебелёва в конце 1930-х – начале 1940-х годов на основе стенограмм и протоколов заседаний ученых советов институтов и других академических учреждений Москвы и Ленинграда. Особенный интерес представляет стенограмма заседания гуманитарных институтов АН СССР памяти С. А. Жебелёва от 31 января 1942 г., которое состоялось в эвакуации, в Ташкенте. Значительные фрагменты этого документа, представляющие интерес для историков науки, публикуются в приложении к статье.

Объясняя превращение опального академика времен «академического дела» в признанного главу советских античников, заслуженного деятеля науки РСФСР, орденоносца, обычно такую перемену в положении С. А. Жебелёва связывают с «замечательным открытием» восстания Савмака – первого восстания угнетенных масс на территории СССР. Авторы статьи, признавая, что Жебелёв «подстроился» под эпоху, утверждают, что и эпоха стала «подстраиваться» под него. В авто nekрологе 1932 г. ученый причислил себя к «фактопоклонникам». После выхода в свет в 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б)» теоретические споры прекратились, зато фактография в рамках общей, утвержденной сверху, схемы оказалась крайне востребованной. И вполне лояльные власти историки «старой школы» могли продолжать свои исследования, основанные на анализе материала источников, а не на социологических схемах. Таким образом, в конце 1930-х годов произошла реабилитация «старой школы» в советском антиковедении.

Ключевые слова. С. А. Жебелёв, АН СССР, история античного мира, историография, эвакуация

Данные об авторах. Сергей Георгиевич Карпюк – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН, профессор РГГУ; Оксана Викторовна Кулишова – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ.

Авторы статьи выражают признательность директору Санкт-Петербургского филиала Архива РАН И. В. Тункиной за всестороннюю помощь во время работы в СПбФ АРАН. Мы благодарны И. Г. Таракановой, зав. читальным залом Архива РАН, за ценные советы и И. Л. Тихонову, директору Музея истории СПбГУ, за предоставленные материалы о С. А. Жебелёве.

LAST YEARS OF S.A. ZHEBELYOV, MEMBER OF THE ACADEMY: SHORTHAND RECORD OF THE ACADEMIC MEETING IN TASHKENT, JANUARY 31, 1942

Sergey G. Karpyuk¹, Oksana V. Kulishova²

¹ *Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia*

E-mail: oxlos@yandex.ru

² *St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia*

E-mail: o.kulishova@spbu.ru

The article is devoted to the analysis of activities of S.A. Zhebelyov (Zhebelev) in the late 1930s and early 1940s. The authors use official documentation of Moscow and St. Petersburg academic institutions as a source. The most interesting document is the stenographic account of the meeting of institutes for humanities of the Academy of Sciences of the USSR which took place in Tashkent on 31 January 1942; the two most important fragments of this account are published here.

The article addresses the problem of explaining the transformation of Zhebelyov of the period of the 'Case of the Academy members' (1929–1930), when he was in disgrace, to 'later Zhebelyov', holder of a Soviet order (1940). This transformation has usually been connected only with his 'discovery' of 'Saumacus' uprising' – the first uprising of 'oppressed masses' in the USSR territory. Surely, bitter experience of the 'Case of the Academy members' taught Zhebelyov how to survive in the Soviet reality.

But in the late 1930s the reality of Soviet historical science also started adjusting to him. In the self-made obituary notice (1932) Zhebelyov regarded himself as a 'fact-worshipper'. But this 'fact-worship' was becoming more and more popular among Soviet historians in the late 1930s after the decay of Marxist (or pseudo-Marxist) discussions and establishment of the Stalinist dogma. As well as other representatives of the 'old school' (Grekov, Wipper, Tarle, etc.), Zhebelyov became a very respectable scholar, but very loyal to the Soviet authorities. Thus, we may speak of a 'rehabilitation' of the 'old school' in Soviet antiquity studies in the late 1930s.

Keywords: S.A. Zhebelyov, Soviet Academy of Sciences, classical history, historiography, evacuation

Осенью 2017 г. исполнилось 150 лет со дня рождения Сергея Александровича Жебелёва (10/22 сентября 1867–28 декабря 1941), выдающегося представителя российской науки о древности. Память о нем жива, о чем свидетельствуют и ежегодные Жебелёвские чтения и немалое число работ, посвященных научным трудам и жизненному пути исследователя¹. Сравнительно хорошо исследован «ранний» Жебелёв, «академическое дело» и печально знаменитое «открытие» восстания Савмака; есть работы, посвященные активной общественной деятельности, жизни и смерти академика в блокадном Ленинграде.

¹ Укажем на важнейшие публикации последних десятилетий: Gavrilov 1992, 53–73; Tunkina, Frolov 1993; Tunkina 1997, 369–408; 2000, 116–161; 2017 b, 311–313; Frolov 2006, 293–307. См. также разделы, посвященные в ВДИ 50-летию юбилею научной деятельности и 100-летию ученого (Zhebelev 1940, 160–187; 1968, 145–175).

Авторы настоящей статьи на основании материалов из московских и ленинградских архивов попытаются представить деятельность С. А. Жебелёва в конце 1930-х годов, в зените славы, когда его рассматривали как старейшину советских антиковедов. Для характеристики ученого использован сравнительно редко привлекаемый историографами и специалистами по истории науки (в сравнении со специалистами по политической и военной истории) комплекс источников: стенограммы и протоколы заседаний ученых советов институтов и других академических учреждений Москвы и Ленинграда. Прежде всего следует выделить именно стенограммы и те протоколы, которые (в отличие от кратких) составлялись на основе стенографических отчетов – разносторонний источник, охватывающий различные стороны жизни научного сообщества и ярко характеризующий эпоху².

Особенный интерес в этом отношении представляет стенограмма заседания гуманитарных институтов АН СССР памяти С. А. Жебелёва от 31 января 1942 г.: «Стенографический отчет объединенного заседания Институтов: Истории, Истории материальной культуры и мировой литературы Академии Наук СССР и Института языка, литературы и истории УзФАН³, посвященного памяти академика С. А. Жебелёва»⁴. Оно состоялось в Ташкенте, куда были эвакуированы академические институты из Москвы и Ленинграда, в том числе и Институт истории, на базе которого и проходило это заседание⁵.

Председательствовал на заседании академик Б. Д. Греков⁶, который и выступил со вступительным словом⁷. На заседании с докладами, посвященными С. А. Жебелёву, выступали: В. В. Струве («С. А. Жебелёв как историк древнего мира»), Б. Д. Греков («Труды С. А. Жебелёва по истории Причерноморья»), Т. Н. Книпович («Жебелёв и изучение Северного Причерноморья»), Ю. В. Готье («Памяти С. А. Жебелёва»), К. В. Тревер («Жебелёв и охрана культурного наследия»), Л. А. Мацулевич («Смерть на посту»), Б. В. Горнунг (от имени ИМЛИ им. Горького)⁸.

² См. об этом также: Bugaeva, Ladynin 2016, 187–194; Kargyuk, Malyugin 2017, 461.

³ Узбекский филиал АН СССР.

⁴ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. 40 л.

⁵ Сессия памяти С. А. Жебелёва – не единственная научная сессия Института истории АН СССР, проводившаяся в Ташкенте: 7 и 17 июня 1942 г. состоялись два заседания сессии «Иван Грозный и его время». Атмосферу жизни ученых в эвакуации передают недавно опубликованные письма директора института Б. Д. Грекова (см. Bukhert 2016, 95–114).

⁶ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 2.

⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 3–3 об.

⁸ Названия докладов приводятся в начальной части стенограммы (АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 2):

1. С. А. Жебелёв как историк древнего мира – акад. В. В. Струве.
2. Труды С. А. Жебелёва по истории Причерноморья – акад. Б. Д. Греков.
3. Памяти С. А. Жебелёва – акад. Ю. В. Готье.
4. Жебелёв и изучение Северного Причерноморья – проф. Т. Н. Книпович.
5. Жебелёв и охрана культурного наследия – проф. К. В. Тревер.
6. Смерть на посту – проф. Л. А. Мацулевич.

Порядок докладов, перечисленных в этой части стенограммы, указан неверно: из дальнейшего текста следует, что доклад Книпович предшествовал докладу Готье, а не следовал за ним. Последний доклад (Б. В. Горнунга) в данном списке вообще не указан. Поскольку названия докладов в тексте стенограммы не повторяются, а здесь выступление Горнунга пропущено, название его доклада не сохранилось.

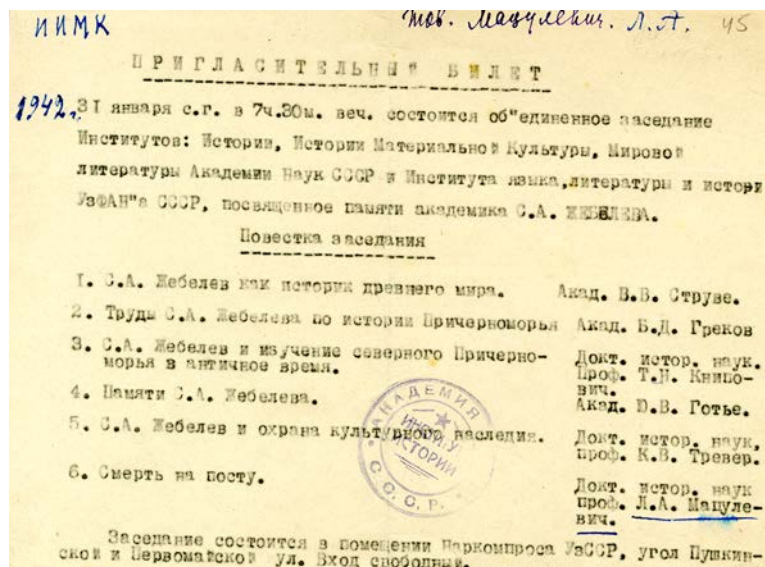

Рис. 1. Пригласительный билет на объединенное заседание академических институтов 31 января 1942 г., посвященное памяти С.А. Жебелёва (СПбФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 219. Л. 45)

В личном фонде одного из участников заседания — Л.А. Мацулевича — сохранилась сделанная им вырезка из газеты «Правда Востока» с объявлением о заседании (с подписанной на обороте датой выхода и номером газеты: «30.1.1942 № 25»)⁹, а также пригласительный билет с программой заседания (рис. 1)¹⁰.

Необходимо отметить, что уровень стенографирования в АН СССР в ту эпоху был высоким¹¹, стенографисты передавали не только смысл, но и стилистику выступлений, что делает стенограммы очень «живым», выпуклым источником. Стенограммы, которые обычно изготавливали в двух или трех экземплярах¹², представляли собой машинопись либо с одной, либо с обеих сторон листа¹³. На некоторых стенограммах фамилия стенографа указана на титуле: так, стенограмма ташкентского заседания гуманитарных институтов АН СССР памяти С.А. Жебелёва от 31 января 1942 г. подписана «стенограф

⁹ СПбФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 219. Л. 46—46 об.

¹⁰ СПбФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 219. Л. 45.

¹¹ Постановлением ВЦИК от 10 июня 1933 г. в РСФСР была введена Государственная единая система стенографии (ГЕСС).

¹² Об этом могла свидетельствовать отметка на титульном листе, например: «Отп[ечата-но] в 3-х экз[емплярах]» (СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1578. Л. 150).

¹³ Отчасти это объясняется порядком стенографирования: если стенографистов было двое, то они работали по очереди, в этом случае текст печатался каждым с двух сторон листа, но мог заканчиваться и на одной его стороне при передаче «эстафеты» другому, который всякий раз начинал очередную запись с нового листа. При этом каждый ставил в верхней части листа фамилию и номер (1—1, 1—2... 2—1, 2—2 и т.д.); иногда они работали на разной бумаге, листы могли различаться не только плотностью, но даже размером и цветом (СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1578. Л. 150—198; Д. 1613. Л. 40—101).

Т. Вандербеллен» (этой фамилией подписаны и некоторые московские стенограммы академических учреждений)¹⁴.

В стенограмме ташкентского заседания объединены разнородные доклады. Некоторые из них характеризует преимущественно официальный тон. Особой официальностью отличался доклад В. В. Струве¹⁵. Вот некоторые выдержки из текста его выступления:

В начале декабря 1941 года в героическом Ленинграде оборвалась жизнь одного из лучших представителей советской исторической мысли... В его лице Великая Октябрьская революция нашла крупнейшего ученого, который вместе со своим гениальным другом Николаем Яковлевичем Марром принял участие в создании советской науки вообще и, в частности, советской исторической науки, в самом подлинном смысле этого слова¹⁶.

...В творческие годы, наступившие для нашей родины после Великой Октябрьской революции, С. А. Жебелёв не остался в стороне от строительства нашей советской исторической науки, как это подчеркивалось в приветствии к нему в день пятидесятилетнего юбилея¹⁷.

Доклад Б. Д. Грекова¹⁸ в значительной степени повторял его выступление на чествовании С. А. Жебелёва в 1940 г.¹⁹ и носил официальный характер. Греков перечислил многочисленные обязанности академика и его заслуги перед наукой. Но вместе с тем в этом выступлении звучали и нотки личного отношения:

С. А. Жебелёв, как уже отметил В. В. Струве, умел учить. Он был необычайно строг к самому себе и к своим ученикам. Тот, кто сдавал экзамен у Сергея Александровича, со мной согласится полностью. Пойти к нему на экзамен не было легким делом, потому что Сергей Александрович был действительно строгим экзаменатором, «проваливал» много, приходилось приходиться к нему по несколько раз, но если кто выдерживал экзамен на хорошую оценку, тот действительно мог сказать, что предмет знает хорошо. Но никто на него не обижался, ибо тот, кто к самому себе относится чрезвычайно строго, имеет право относиться строго и к другим. В этом отношении Сергей Александрович не заслуживал упреков²⁰.

Доклад Т. Н. Книпович²¹ тоже начинался с перечисления научных и организаторских заслуг С. А. Жебелёва, вместе с тем она говорила и о личных качествах Сергея Александровича.

Начиная с 1934 г. и до последних дней своей жизни С. А. Жебелёв возглавлял ту ячейку, в которой концентрировалось изучение Северного Причерноморья – кафедру античных колоний Северного Причерноморья при античном секторе ГАИМК и Сектор древнего Причерноморья ИИМК²².

¹⁴ Часто на титульном листе указывались название машинописного бюро (с адресом и телефоном), номер заявки, фамилии стенографистов и машинисток, как об этом свидетельствуют стенограммы научных заседаний при ЛОИИ 1939–1940 гг. (СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1578. 198 л.; Д. 1613. 539 л.). На титуле стенограмм 1939 г. упоминаются одни и те же фамилии: стенографисты – Н. А. Гиршфельд, Е. А. Зверева, машинистки – В. М. Беккер, Е. А. Евгениева, Производственное Бюро Стенографов, ул. Чайковского, д. 29 (СПбФ АРАН. Ф. 133. Д. 1578. Л. 64, 150); в стенограммах заседаний 1940 г. указаны работники другого бюро Ленинграда: стенографы И. Л. Артурова, Е. С. Розенталь, Бюро Стенографии, пр. Володарского, 42 (СПбФ АРАН. Ф. 133. Д. 1613. Л. 40).

¹⁵ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 4–12 об.

¹⁶ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 4–4 об.

¹⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 9 об.

¹⁸ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 13–17.

¹⁹ См. Zhebelev 1940, 173–176.

²⁰ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 16 об.–17.

²¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 18–22 об.

²² АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 18 об.

...В этой работе по перестройке археологического изучения Северного Причерноморья С. А. Жебелёву, несомненно, принадлежит ведущее место. Все мы, близко знавшие Сергея Александровича и работавшие вместе с ним, помним его настойчивые советы не увлекаться вешеведением, а изучать культуру Причерноморских колоний — изучать и во время археологических раскопок, и в научно-исследовательской работе; советы не игнорировать местную культуру Причерноморья, но не забывать и того, что только на основе широкого знакомства с античным миром, его историей, языками и материальной культурой можно понять и наши колонии²³.

...Вообще он не боялся критики, любил ее и приучал к ней своих товарищей по работе. Бывали случаи повторных докладов на ту же тему, когда С. А. Жебелёв защищал свои положения или, наоборот, отказывался от них, признавая справедливость сделанных указаний²⁴.

Наибольший интерес с точки зрения истории науки представляют доклады Ю. В. Готье и Л. А. Мацулевича, которые показывают жизнь и деятельность ученого с разных сторон, передают неизвестные детали его научной и личной биографии. Именно поэтому они публикуются полностью в приложении к статье.

Юрий Владимирович Готье (1873–1943) — специалист по российской истории (с древнейших времен до XIX в.) и восточноевропейским древностям²⁵, который ко времени ташкентского заседания получил звание академика АН СССР (1939). Судьба ученого была непростой и имела переклички с судьбой С. А. Жебелёва: в 1930 г. Ю. В. Готье был арестован по «академическому делу», отправлен в ссылку в Самару, но в 1934 г. ему разрешили вернуться в Москву, он возобновил преподавательскую деятельность, в том числе и в Московском университете. Доклад академика Готье²⁶, который жил и работал в Москве, характеризует деятельность Жебелёва в московских учреждениях АН СССР, значение его как ведущего советского антиковеда, особенно проявившееся в конце 1930-х годов, признание его заслуг коллегами и учениками.

Особенно примечателен доклад Л. А. Мацулевича²⁷, наполненный личными и бытовыми деталями. Леонид Антонович Мацулевич (1886–1959) — археолог, известный историк культуры и искусства Византии и Причерноморья в позднеантичный период, доктор искусствоведения, член-корреспондент АН Грузии²⁸. В разные годы был научным сотрудником Русского музея, Государственного Эрмитажа, ИИМК АН СССР, профессором Ленинградского университета. Как и С. А. Жебелёв, он учился у Н. П. Кондакова, вместе с Сергеем Александровичем участвовал в сборнике памяти Я. И. Смирнова, с которого началась травля академика в 1928–1929 гг.

Текст доклада Мацулевича в стенограмме ташкентского заседания, кроме того, содержит авторскую правку (в то время как все другие доклады таких исправлений не имеют). Следует отметить, что практика вносить авторскую правку была распространена в стенограммах различных научных заседаний. По-видимому, она неукоснительно соблюдалась в особенно важных «политических» случаях. Так, в «Стенограммах заседаний Ученого совета ЛОИИ 1940 г.»²⁹ имеется стенографический отчет научной сессии ЛОИИ, посвященной 120-летию со

²³ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 19–19 об.

²⁴ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 22.

²⁵ Заметим, что Ю. В. Готье входил в состав редколлегии ВДИ: он обозначен как член редколлегии в первом номере журнала за 1941 г., когда впервые и появляется указание на редколлегию журнала (до этого упоминался только редактор). Следует отметить, что в ВДИ тогда печатались и статьи по древнерусской истории.

²⁶ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 23–24.

²⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 29–37.

²⁸ О Л. А. Мацулевиче см. Solenikova 2004, 436–457; Tunkina 2017a, 426.

²⁹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1613. 539 л.

дня рождения Ф. Энгельса, в котором авторскую правку (как правило, с подписью и обозначением даты) содержат все три прочитанных доклада³⁰. Кроме того, в материалах этой стенограммы сохранилась записка, адресованная одному из докладчиков³¹:

Ст. научн. сотр. ЛОИИ Ковалеву С.И.

Просим Вас не позднее 10–12 декабря с.г. представить исправленный и подписанный Вами текст доклада, сделанного Вами 28/XI с.г. на научной сессии ЛОИИ, посвященной 120-летию со дня рождения Ф. Энгельса.

п.п. И.о. зав. Лен. Отделением Института истории
Секретарь Института истории ЛОИИ

(М. В. Левченко)
(Е. И. Бочкарева)³²

В тексте доклада Мацулевича, кроме исправлений на листах машинописи, имеется отдельный лист-вставка со сделанными от руки записями, а также собственноручная запись Мацулевича с подписью и датой (27 марта 1942 г.) о том, что он проверил стенограмму и внес правку (о характере правки подробнее см. во вводных замечаниях к Приложению)³³. Автор также вписал название доклада: «Смерть на посту. Памяти С. А. Жебелева»³⁴, в то время как другие доклады в тексте стенограммы не озаглавлены.

Важно и то, что в личном фонде Л. А. Мацулевича в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранился рукописный автограф этого доклада³⁵, а также материалы, связанные с работой над докладом и его последующей судьбой³⁶. Дополнительным стимулом к публикации этого доклада оказалось также то обстоятельство, что сам автор предполагал его опубликовать: он был отправлен в 1946 г. (т.е. спустя пять лет после смерти С. А. Жебелёва) в редакцию «Византийского временника»³⁷, однако тогда он так и не был напечатан³⁸.

Доклад К. В. Тревер³⁹ был посвящен отношению С. А. Жебелёва к охране культурного наследия, завершал заседание официальный доклад представителя Института мировой литературы им. А. М. Горького Б. В. Горнунга⁴⁰.

Стенограмма заседания в Ташкенте демонстрирует, что к концу 1930-х — началу 1940-х годов С. А. Жебелёв становится не просто классиком, но и признанным главой советского антиковедения.

В 1936 г. в журнале «*Revue des études grecques*» был опубликован перевод ставшей знаменитой статьи Жебелёва о восстании Савмака⁴¹. Это была одна из последних

³⁰ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1613. Л. 183–226. Кроме того, материалы этой стенограммы наглядно показывают практическое значение авторской правки не только для текста выступления: так, неверно указанная фамилия одного из докладчиков («Ваныштейн» вместо «Вайнштейн») была собственноручно им исправлена в тексте стенограммы (Л. 196).

³¹ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1613. Л. 184.

³² Документ представляет собой машинопись. Сокращение «п[о] п[оручению]» вписано от руки чернилами, как и подпись секретаря Е. И. Бочкаревой.

³³ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 37.

³⁴ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 29.

³⁵ СПбФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 219. Л. 1–36.

³⁶ Об этом подробнее см. вводные замечания к Приложению.

³⁷ Это следует из рукописной пометки Ж. А. Мацулевич, вдовы ученого, к списку его трудов: «Рукопись сдана в Визант[ийский] Временник 23. II. 1946» (СПбФ АРАН. Ф. 991. Оп. 2. Д. 21. Л. 11).

³⁸ Об этом см. Solenikova 2004, 453.

³⁹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 25–28.

⁴⁰ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 38–40 об.

⁴¹ Zhebelev 1933; Žébélév 1936, 17–37. Французский перевод статьи был выполнен учеником Жебелёва А. И. Доватуром, собственная статья которого появилась в *REG*

публикаций работ советских антиковедов на Западе перед длительным перерывом. Следует отметить, что эта основополагающая с идеологической точки зрения статья о восстании Савмака, появившаяся в 1933 г., была опубликована повторно по-русски в «Вестнике древней истории» в 1938 г.⁴²: необходимо было «чистое» издание этой статьи; предыдущее вышло с предисловием А. Г. Пригожина, расстрелянного еще в 1936 г.

Вообще, С. А. Жебелёв — один из самых активных авторов предвоенного ВДИ: одна статья в 1937 г., три статьи в 1938 г. (включая переиздание «Последнего Перисада»), одна статья и обзор (о В. Г. Васильевском) в 1939 г., одна статья в 1940 г.⁴³

Как можно объяснить превращение опального академика времен «академического дела» в признанного главу советских античников, заслуженного деятеля науки РСФСР, орденоносца? Такую перемену в положении С. А. Жебелёва связывают обычно с «замечательным открытием» восстания Савмака — первого восстания угнетенных масс на территории СССР, этому сюжету посвящено немало научных трудов⁴⁴. Конечно, наученный горьким опытом «академического дела», Жебелёв «подстроился» под эпоху, это очевидно.

Но и эпоха парадоксальным образом стала подстраиваться под него. В авто-некрологе 1932 г. ученый причислил себя к «фактопоклонникам»⁴⁵. Но это самое фактопоклонничество с середины 1930-х годов становится все более востребованным в советской исторической науке, придя на смену марксистским (или псевдомарксистским) дискуссиям. После выхода в свет «Краткого курса истории ВКП(б)» теоретические споры прекратились, зато фактография в рамках общей, утвержденной сверху схемы оказалась крайне востребованной⁴⁶. И вполне лояльные власти (а другим в условиях чисток и «большого террора» было трудно не только остаться в профессии, но и просто выжить) историки «старой школы», такие как Греков, Виппер, Тарле, Жебелёв, становятся классиками, их вклад в науку признается безусловным, их труды вне критики, они могут продолжать свои исследования, основанные на анализе материала источников, а не на социологических схемах.

Ко времени реорганизации гуманитарных институтов АН СССР в 1936–1937 гг. С. А. Жебелёв (избран в академики в 1927 г.) был наряду с А. И. Тюменевым (избран в 1932 г.) и В. В. Струве (избран в 1935 г.) одним из трех действительных членов АН СССР, специалистов по древней истории, причем единственным, избранным еще до полной «советизации» Академии наук. Жебелёв занимал различные руководящие должности в ленинградских учреждениях АН СССР; прежде всего, с 1937 г. заведовал сектором Древнего Причерноморья ИИМК. Это был очень значительный сектор, в нем насчитывалось 14 сотрудников (для сравнения, сектор древней истории Института истории в Москве, образованный

в следующем 1937 г. Аристид Иванович впоследствии рассказывал Э. Д. Фролову, что он узнал о ее публикации во Франции в тот непростой момент жизни, когда он, осужденный в 1937 г. по стандартному в то время обвинению в контрреволюционной деятельности, уже несколько месяцев работал на лесоповале, «рубил сучья на спиленных деревьях» (Интервью Э. Д. Фролова 13.06.2017. Об этом см. также: Frolov 2006, 520).

⁴² Zhebelev 1938, 49–71.

⁴³ Zhebelev 1940, 186–187 (в разделе «Биография академика Сергея Александровича Жебелёва и список его печатных трудов», с. 176–187).

⁴⁴ См. Gavrillov 1992, 53–73; Formozov 2006, 166–171 (с литературой вопроса).

⁴⁵ Zhebelev 1993, 180.

⁴⁶ Об этом см. также: Krikh 2013, 137; Karpyuk, Malyugin 2017, 459.

в 1938 г., насчитывал 6 сотрудников). Жебелёв был членом Ученого совета Института истории АН СССР в Москве и неоднократно принимал участие в его заседаниях, о чем свидетельствуют протоколы и стенограммы заседаний. На первом заседании 7 февраля 1938 г. и.о. директора института Б.Д. Греков огласил список членов Ученого совета (всего 21 фамилия). В нем всего числилось 7 действительных членов АН СССР, включая трех — по истории древнего мира: Д. М. Петрушевский, С. А. Жебелёв, Н. М. Лукин, Б.Д. Греков, А. И. Тюменев, В. В. Струве, В. П. Волгин⁴⁷.

С середины 1930-х годов С. А. Жебелёв часто ездит в Москву по делам АН СССР. Этому обстоятельству уделил особое внимание в своем докладе один из участников ташкентского заседания, академик Ю. В. Готье:

В Москву Сергей Александрович до переезда туда Академии Наук ездил мало, бывал редко... Однако с 1935 года, когда общие собрания, которые, как правило, происходили каждый месяц, перенесены были в Москву, Сергей Александрович до самого последнего времени (последний раз он был в Москве весной 1941 г.) был посетителем Москвы, постоянно принимал участие в сессиях Отделения истории и философии, заседаниях институтов. Его участие в заседаниях того же Института истории было самым живым, он во все входил, всем интересовался. Стоило посмотреть, как много народу было в приемной Отделения истории и философии в дни сессии, народу, который жаждал побеседовать с Сергеем Александровичем, посоветоваться, проконсультроваться. Это не были праздные посетители, это не были знакомые, друзья, нет, это были люди, которые хотели посоветоваться с С. А. Жебелёвым, как с ученым⁴⁸.

С. А. Жебелёв был привлечен для работы над «Всемирной историей» и первоначально должен был редактировать том IV, посвященный эллинизму. Однако в протоколе заседания Ученого совета Института истории АН СССР от 28 октября 1938 г. первым пунктом значится выступление С. А. Жебелёва «О продолжении работы над III томом “Всемирной истории”»⁴⁹. Сохранилась также стенограмма этого заседания, которая выпукло обрисовывает позицию Жебелёва, не отказывавшегося от сотрудничества с властями ради любимого дела и далекого при этом от внутриакадемических интриг. Дело в том, что академик Тюменев отказался быть редактором этого тома, а также отказался писать закрепленные за ним главы; возник конфликт между ним и московским руководством (Президиум АН не включил Тюменева в число редакторов всего раздела по древней истории). Кроме того, Тюменев стал резко возражать против участия в проекте С. Я. Лурье, которого сам до этого и пригласил⁵⁰.

Позиция Жебелёва была примирительной: «Я только ходатайствовал бы о том, чтобы первым шагом было обращение к А. И. Тюменеву с просьбой взять свое заявление обратно»⁵¹, и эта позиция была поддержана другими участниками обсуждения. Впрочем, старый академик сетовал на отсутствие нормальных человеческих взаимоотношений между академиками: «Я от себя это дело отмечаю — убеждать или переубеждать. Согласитесь сами, что было бы гораздо проще, — А. И. [Тюменев] у меня лекции слушал, — просто-напросто прийти ко мне и сказать, что вот то-то и то-то случилось. А я узнал об этом инциденте только от Б.Д. [Грекова] после того, как Б.Д. получил эту бумагу»⁵².

⁴⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 3. Л. 1.

⁴⁸ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 23.

⁴⁹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 2. Л. 58.

⁵⁰ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 12. Л. 1–2.

⁵¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 12. Л. 10.

⁵² АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 12. Л. 11.

В результате Ученый совет Института истории АН СССР 10 ноября 1938 г. рассмотрел «состояние работы по редактированию I раздела — Греция и Рим — “Всемирной истории”» и постановил: распределить работу по редактированию и составлению I раздела, порученную акад. Тюменеву и «в свое время не выполненную им», между Жебелёвым, Мишулиным и Сергеевым⁵³.

С начала 1939 г. Жебелёв стал руководителем сектора истории древнего мира в Ленинградском отделении Института истории (ЛОИИ). Очевидно, это было связано с тем, что именно на него было возложено ответственное редактирование всех томов по древней истории «Всемирной истории», включая и второй том, посвященный истории древнего Востока, который до этого редактировал В. В. Струве. В Ленинграде в ЛОИИ под руководством С. А. Жебелёва проходило обсуждение материалов, подготовленных для «Всемирной истории». Особенно интересны протоколы сектора истории Древнего мира, посвященные обсуждению подготовки II тома⁵⁴. Жебелёв — активнейший участник и организатор обсуждения глав, заседание 1 февраля 1939 г. он заключает словами: «Сегодня положено начало таким собраниям. Это будет плодотворно»⁵⁵. Для обсуждения глав назначаются рецензенты, сохранились копии договоров с авторами (в том числе и аннулированные)⁵⁶, графики подготовки и обсуждения материалов с указанием рецензентов и сроков представления работы⁵⁷. Копии протоколов отправляются в Москву, в сектор древней истории. Вот выдержка из письма А. В. Мишулину, заведовавшему сектором в Москве, которое было отправлено А. И. Болтуновой от имени Жебелёва: «Просим также прислать нам по возможности скорее для ознакомления поступившие в сектор готовые рукописи и прислать протоколы обсуждения работ ленинградских авторов»⁵⁸.

Авторитет, такт и редакторские способности С. А. Жебелёва привели к тому, что к 1940—1941 гг. он уже выступает как главный редактор и «верховный арбитр» при редактировании всех томов «Всемирной истории» по истории древнего мира, включая и Древний Восток⁵⁹.

О том, что Жебелёв считался старейшиной цеха советских антиковедов, свидетельствует эпизод с награждением академика. На заседании Ученого совета Института истории АН СССР 8 октября 1940 г. Н. А. Машкин зачитал заявление сектора древней истории о 50-летию научной, общественной и педагогической деятельности акад. С. А. Жебелёва, приходившемся на декабрь 1940 г.⁶⁰ А. В. Мишулин, дополняя Машкина, перечислил заслуги Жебелёва и просил институт поддержать ходатайство «о присуждении С. А. Жебелёву звания заслуженного деятеля науки и о награждении его соответствующим орденом»⁶¹. Характерна мотивировка, которую использовал Мишулин: «Известно, что академик

⁵³ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 2. Л. 62.

⁵⁴ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1599. 39 л.

⁵⁵ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1599. Л. 12.

⁵⁶ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1571. 48 л.

⁵⁷ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1600. Л. 6—8.

⁵⁸ СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1600. Л. 9—9 об.

⁵⁹ АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1941). Д. 2. Л. 130—131.

⁶⁰ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 43. Л. 2.

⁶¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 43. Л. 3 об. Сохранилось письмо Отделения истории и философии от 17 октября 1940 г. за подписью академика А. М. Деборина, секретаря Отделения истории и философии АН СССР, в Президиум АН СССР с ходатайством о присвоении

и ряд членов-корреспондентов по филологии были также награждены. А нельзя ведь сказать, что филология — это более актуальное занятие, чем занятие в области древней истории»⁶². 50-летию научной и преподавательской деятельности С. А. Жебелева был посвящен обширный материал в первом номере за 1940 г. «Вестника древней истории» (в разделе «Хроника») ⁶³. Характерно, что злополучная статья, давшая повод к травле Жебелёва, в этих материалах не упоминалась вовсе.

Таким образом, с точки зрения руководителей советской науки, признание заслуг С. А. Жебелёва означало признание авторитета советских историков древности вообще.

Как и в предшествующие десятилетия, в конце 1930-х — начале 1940-х годов Жебелёв был связан с преподавательской деятельностью, он состоял в должности профессора Ленинградского университета⁶⁴, входил в состав Ученого совета университета и 20 декабря 1940 г. был избран его почетным членом⁶⁵.

Высок был авторитет Жебелёва и среди его учеников⁶⁶. Сергей Александрович был учителем таких известных исследователей, как И. И. Толстой, А. И. Доватур, Д. П. Калистов. Но и с теми, кто оказался за пределами страны, он стремился поддерживать связи несмотря на закрытость СССР. Очевидно, при его поддержке в «Вестнике древней истории» была опубликована подробная информация о состоявшемся в августе 1939 г. в Берлине VI международном археологическом съезде, подготовленная его учеником по Петроградскому университету Э. В. Дилем, который переехал к тому времени из Латвии в Германию⁶⁷.

Уже после смерти академика, в 1942 г., одно только «звание» ученика С. А. Жебелёва было вполне достаточным основанием для утверждения в должности старшего научного сотрудника. Об этом свидетельствует стенографический отчет заседания Ученого совета Института истории Академии наук СССР, которое состоялось 22 декабря 1942 г. в Ташкенте:

Удальцов А. Д. (член-корреспондент АН СССР). — Калистов непосредственный ученик С. А. Жебелева, один из любимых его учеников. С. А. Жебелев всегда много о нем говорил, всячески поддерживал в работе. В настоящее время Д. П. Калистов работает над докторской

академику С. А. Жебелёву звания заслуженного деятеля науки (АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 46. Л. 345).

⁶² АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 43. Л. 2 об.

⁶³ Zhebelev 1940, 160—187.

⁶⁴ Согласно ответу на запрос, полученному из Архива СПбГУ, «в личном деле Жебелёв С. А. с 01.12.1934 г. по 08.11.1936 г. значится профессором Исторического факультета. В лицевом счете с 09.11.1936 г. по 1940 г. значится академиком, профессором Исторического факультета; на конец 1941 года значится академиком, профессором Филологического факультета» (Р/К 78.08/4—12 от 4.07.2017). См. также сведения о совместительстве научных сотрудников ЛОИИ за 1940—1941 гг.: в качестве организации, в которой С. А. Жебелёв работает совместителем, указан Ленинградский университет (должность — профессор), дата составления документа не указана (СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1636. Л. 68).

⁶⁵ См. *Отчет о деятельности ЛГУ за 1940 г.: научно-исследовательская работа*. Л., 1941. С. 10, 193—194.

⁶⁶ По словам Д. П. Калистова, «для всякого стремящегося овладеть подлинно научными приемами анализа исторических источников быть учеником Сергея Александровича большое счастье и честь» (Zhebelev 1940, 173).

⁶⁷ Diehl 1940, 214—216.

диссертацией (История Боспора Киммерийского). Д. П. Калистов безусловно заслуживает утверждения в звании старшего научного сотрудника.

Председатель (академик Б. Д. Греков). — Нужны ли еще дополнительные сведения относительно Д. П. Калистова. (Нет)⁶⁸.

Последние месяцы жизни академик провел в блокадном Ленинграде. Наиболее ярко жизнь и деятельность С. А. Жебелёва в эти тяжелые дни «по горячим следам» среди участников ташкентской сессии описаны в выступлениях Т. Н. Книпович и Л. А. Мацулевича. Вот что говорила коллега С. А. Жебелёва по ИИМК:

По-видимому, я принадлежу к числу тех, кто позже других видел Сергея Александровича в Ленинграде. Из Ленинграда я выехала 19 ноября и видела Сергея Александровича незадолго до отъезда. Это было время, когда жизнь в Ленинграде стала уже очень тяжелой и вследствие крайне тревожного состояния города, вызванного ночными и дневными налетами и артиллерийским обстрелом, и вследствие растущего голода. Та стойкость, с которой выносил Сергей Александрович это трудное время, действительно поражала. Сергей Александрович был одним из немногих, продолжавших исследовательскую работу, выступавших с отзывами на диспутах. Он повторял, что все мы, научные работники, во всяком случае, все те, кто не может активно участвовать в обороне страны, должны не ослаблять своей работы, которая если не сейчас, то после окончания войны очень и очень понадобится. Более того, он не хотел пользоваться преимуществами своего возраста, нес дежурства в воротах своего дома (напомню, что ему было 74 года), вошел даже в состав пожарной охраны, поднимался на чердак, принимал участие в тушении зажигательных бомб, вообще по мере сил активно участвовал в обороне Ленинграда. Уезжать из Ленинграда он не хотел⁶⁹, хотя ясно сознавал опасность, которой ежедневно подвергался⁷⁰.

В докладе Л. А. Мацулевича были переданы и его личные впечатления и впечатления от встреч с С. А. Жебелёвым оставшихся в Ленинграде коллег (Л. А. Мацулевич ссылаясь на полученные им письма):

В разновременно полученных мной письмах от товарищей постоянно попадают сочувственные упоминания о С. А. Жебелеве.

В письме от 30.IX.41, между прочим, пишут, следующее: «С удовольствием часто беседую теперь с Сергеем Алекс. — крепче он многих, бодрее и здоровее; говорим с ним и о музыке, и о людях, и о прошлых университетских годах; 11-го в Институте истории будет заседание, посвященное столетию со дня рождения Ф. Ф. Соколова. Сергей Александрович, худенький теперь, как и все, и маленький, еще более маленький, чем всегда, выступит с докладом. Ничем не хочет он выделяться среди других, и потому горделиво отказывается от всяких дополнительных снабжений... Молодчина».

В этом «молодчина», сорвавшемся из глубины души, так отчетливо ярко раскрывается перед нами, какой отклик, какую оценку нашли в среде окружавших Жебелева товарищей-ленинградцев его духовная бодрость и мужество, невзирая на физическую слабость, его непоколебимое стояние на посту⁷¹.

⁶⁸ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 56. Л. 16 об.

⁶⁹ О неудачной попытке эвакуации из блокадного Ленинграда сохранился рассказ самого С. А. Жебелёва в записке «Моя “эвакуация”», автограф которой хранится в СПбФ АРАН (Ф. 729. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–7 об.). Эта записка опубликована А. В. Кольцовым (см. Kol'tsov 2000, 349–370). Ю. А. Виноградов в докладе «Последнее письмо академика С. А. Жебелёва», который был прочитан на «Жебелёвских чтениях» в 2016 г., обратился к неопубликованному письму Жебелёва, адресованному В. Ф. Штейн в Новосибирск и датированному 13 октября 1941 г. (СПбФ АРАН. Ф. 729. Оп. 5. Д. 151. Л. 83), в котором, возможно, также упоминается о несостоявшейся эвакуации Жебелёва и его близких. См. Kulishova, Frolov 2017, 505.

⁷⁰ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 22–22 об.

⁷¹ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 36 об.—37.

В последние месяцы 1941 г. (с начала ноября до своей кончины 28 декабря) С. А. Жебелёв возглавлял Комиссию Президиума АН СССР по делам ленинградских учреждений, протоколы заседаний которой сохранились⁷². Работа комиссии была чрезвычайно напряженной, иногда она собиралась по два—три раза в неделю, комиссия решала вопросы организации, занималась проблемами финансирования и быта ученых, она сыграла важную роль в сохранении академической науки в Ленинграде.

С. А. Жебелёв, по словам Л. А. Мацулевича, в последние годы часто ходил на кладбище, заботясь о памятниках и захоронениях коллег и друзей:

Память умерших он бережно ограждал и у самой могилы. Мне рассказывали, как в последние годы, весной, когда тают снега, он направлялся на литераторские мостки Волкова кладбища в Ленинграде, проверял, в порядке ли надписи на памятниках, не обезличены ли могилы дореволюционных и советских ученых. Он лично принимал участие в редактировании многих памятных табличек⁷³.

Судьба несправедлива, и точное место захоронения самого ученого неизвестно, как следует из письма академиков (не раньше ноября 1946 г.):

В Президиум
Академии Наук СССР

Двадцать восьмого декабря текущего 1946 года исполняется пять лет со дня кончины заслуженного деятеля науки, академика Сергея Александровича Жебелева, умершего на своем славном трудовом посту в осажденном Ленинграде. Сергей Александрович погребен на литераторских мостках Волкова кладбища, где находятся крупнейшие деятели русской культуры. В их ряду Сергей Александрович по праву занимает подобающее ему почетное место.

Вследствие тяжелых обстоятельств, связанных с блокадой Ленинграда, место погребения его осталось незафиксированным и в настоящее время установить его вполне точно невозможно. Тем не менее коллеги Сергея Александровича и вся научная общественность Ленинграда, чья память покойного русского ученого и патриота, до конца своих дней остававшегося на посту, обращается к Президиуму Академии Наук с ходатайством вынести соответствующее решение об отпуске средств и установления памятника Сергею Александровичу Жебелеву на Литераторских мостках Волкова Кладбища в устанавливаемом приблизительно месте его погребения.

По поручению группы академиков и других научных работников
Ленинграда и Москвы

академик И. Ю. Крачковский
академик Н. С. Державин
академик И. И. Мещанинов⁷⁴.

В годину испытаний поведение и деятельность С. А. Жебелёва были образцом для его соратников. Он многое сделал и пытался сделать для своих коллег и близких, но сам пал жертвой болезни в блокадном Ленинграде в холодные и голодные последние дни 1941 г. Не случайно, что именно эта фигура академика «старой школы», лояльного советской власти, могла объединить советских историков в годы войны.

⁷² Протоколы Комиссии Президиума АН СССР по делам ленинградских учреждений: 25 августа 1941 г.— 29 декабря 1941 г. (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 18. Д. 1. 47 л.). См. об этом: Bazhenova, 2015.

⁷³ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 33 об.—34.

⁷⁴ АРАН. Ф. 4. Оп. 1 (1946). Д. 18. Л. 13—13 об. В левом верхнем углу л. 13 резолюция акад. С. И. Вавилова «[управделами АН СССР] т. [И.В.] Зубову... В отношении могилы Жебелева необходимы срочные... меры. 15.XI 46 г.»

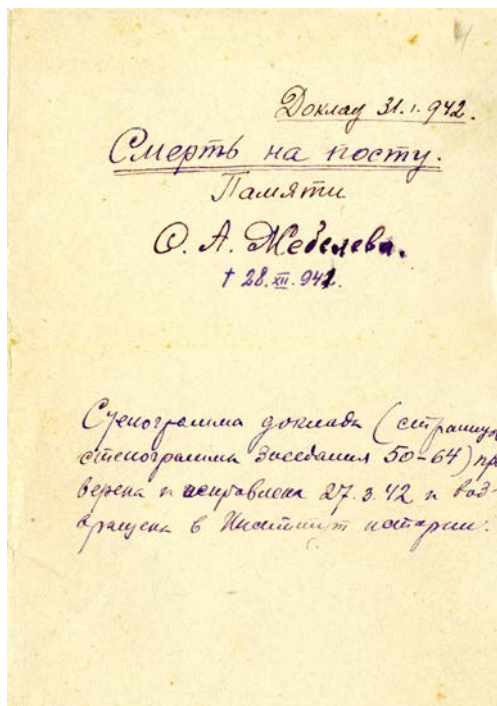

Рис. 2. Обложка рукописи доклада Л. А. Мацулевича (СПбФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 219. Л. 1)

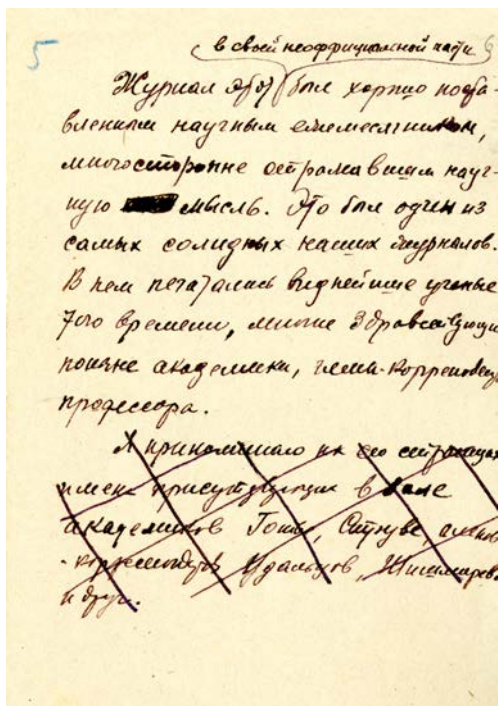

Рис. 3. Страница рукописи доклада Л. А. Мацулевича (СПбФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 219. Л. 6)

Приложение

Из стенограммы заседания гуманитарных институтов АН СССР 31 января 1942 г. в Ташкенте, посвященного памяти С.А. Жебелёва

В Приложении из текста стенограммы полностью публикуются два доклада: Ю. В. Готье и Л. А. Мацулевича, которые представляют наибольший интерес с точки зрения истории науки. Текст доклада Готье (АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 1, 23–24), пусть и довольно краткого, содержит важный материал о сотрудничестве Жебелёва с академическими институтами в Москве. Доклад Мацулевича (Л. 29–37), более пространный, заслуживает особенного внимания, в нем упоминается о личной встрече автора с Жебелёвым в сентябре 1941 г., а также о некоторых неизвестных деталях научной и личной биографии ученого.

Доклад Мацулевича в стенограмме ташкентского заседания представляет собой машинописный текст, напечатанный с обеих сторон листа (как часть стенограммы листы имеют нумерацию: с. 50–64). Как уже отмечалось, в текст доклада была внесена авторская правка с указанием ее даты – 27 марта 1942 г. (Л. 37; см. выше, с. 94). Правка касалась не только стилистики, орфографии и пунктуации текста, но и фактических уточнений, например, дат (на листах 36 об., 37). Помимо исправлений на листах машинописи, имеется отдельный лист-вставка со сделанными от руки записями (Л. 34). Автор также вписал название доклада: «Смерть на посту. Памяти С. А. Жебелева» (Л. 29).

В личном фонде Л. А. Мацулевича в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранился автограф этого доклада⁷⁵. Текст, аккуратно написанный автором чернилами (встречаются также различные пометки красным и синим карандашом), содержится на отдельных листах размером

⁷⁵ СПбФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 219. Л. 1–36.

в ¼ альбомного листа⁷⁶ (примерно 10,5 x 15 см), листы пронумерованы автором синим карандашом в левом верхнем углу и имеют общую обложку с надписью автора: «Доклад 31.1. 1942. Смерть на посту. Памяти С. А. Жебелева. † 28.XII.1941. Стенограмма доклада (страницы стенограммы заседания 50–64) проверена и исправлена 27.3.42 и возвращена в Институт истории» (рис. 2). В этом же деле хранятся материалы по подготовке доклада: хронологические указания на важнейшие события жизни Жебелёва (Л. 41), составленный Мацулевиным список «иностранцев некрологов», написанных С. А. Жебелёвым, а также цитата из статьи памяти Бузескула (Л. 43), которую Мацулевич включил в свой доклад, и проч.

Текст автографа содержит авторскую правку, которая, очевидно, проводилась в несколько этапов. Первоначальные исправления, по-видимому, были сделаны Мацулевиным во время составления текста выступления: доклад, прочитанный на заседании, судя по тексту стенограммы, уже содержал сделанные автором изменения. Так, в той части, где речь идет о ЖМНП, в автографе зачеркнуто предложение: «Я припоминаю на его страницах имена присутствующих в зале академиков Готье, Струве, членов-корреспондентов Удальцова, Шишмарева и друг.» (Л. 6, см. рис. 3). Текст стенограммы этого предложения не содержит, в то же время в печатном тексте в этом месте уже учтена вставка: «в его неофициальной части» (Л. 29 об.).

Некоторые добавления и исправления в автограф, вероятно, были внесены автором одновременно с правкой стенограммы доклада, о чем свидетельствует уже упомянутая надпись на обложке автографа: она содержит не только название доклада, но и указание на правку стенограммы и ее возвращении в Институт истории, а также дату смерти С. А. Жебелёва – эти записи на обложке, в отличие от названия, сделаны другими чернилами (Л. 1). Заметим, что дата смерти академика была вписана автором и в стенограмму ташкентского заседания⁷⁷. Кроме того, некоторые добавления, внесенные автором со свойственной ему аккуратностью в стенограмму и в автограф, буквально совпадают⁷⁸.

Поэтому текст доклада стенограммы, выправленный автором, почти во всем повторяет находящийся в СПбФ АРАН автограф, различия касаются по преимуществу разделения текста на абзацы и предложения, пунктуации, расшифровки аббревиатур (РАО, ЖМНП и проч.), наличия или отсутствия инициалов в упоминаемых автором фамилиях, замены отдельных слов и т.д. Значительная их часть объясняется тем обстоятельством, что автограф, в отличие от стенограммы, содержит и более позднюю правку, которая связана с последующей подготовкой автора доклада к печати в «Византийском временнике»⁷⁹. Наконец, в том же деле из личного фонда Л. А. Мацулевича содержится машинописный вариант текста с учетом всех исправлений в автографе (Л. 48–60). В эту машинопись автор внес последние изменения: на первой странице добавил имя «Л. Мацулевич» и сделал сноску: «Доложено на траурном заседании Ташкентской группы АН СССР» (Л. 47), исправил опечатки, вписал от руки иностранные слова (Л. 57), внес незначительные поправки – например, выражение «три года назад» заменил на более общее указание «несколько лет назад» (Л. 56). По-видимому, этот последний вариант текста и был отправлен автором для публикации в «Византийский временник» в феврале 1946 г.⁸⁰, однако он так и не был напечатан в этом журнале. Текст доклада из стенограммы ташкентского заседания 31 января 1942 г., таким образом, не содержит этих последующих изменений, сделанных после даты правки стенограммы 27 марта 1942 г.

⁷⁶ На таких же листах Мацулевич обычно делал выписки по интересующим его темам (см. Solenikova 2004, 441).

⁷⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 37.

⁷⁸ Ср., например, СПбФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 219. Л. 2–3 и АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 29.

⁷⁹ См., например, объединение абзацев в начальной части доклада: СПбФ АРАН. Ф. 991. Оп. 1. Д. 219. Л. 2–4.

⁸⁰ СПбФ АРАН. Ф. 991. Оп. 2. Д. 21. Л. 11; см. выше, прим. 37.

Стенографический отчет
Объединенное заседание Институтов:
Истории, Истории материальной культуры и
мировой литературы Академии Наук СССР и
Института языка, литературы и истории УзФАН,
посвященное памяти академика С. А. Жебелёва

31 января 1942 г.

Академия Наук СССР
Институт истории

г. Ташкент

Стенограф — Т. Вандербеллен

⟨...⟩

Акад. ГОТЬЕ. — Я совершенно уверен, товарищи, что даже те из нас, кто мало знал покойного С. А. Жебелева, теперь, послушав несколько докладов, посвященных его памяти, знают этого человека, этого ученого.

С. А. Жебелев всю свою научную жизнь, а он справил полувековой юбилей, провел в Ленинграде. Его ученая деятельность принадлежит Ленинграду, хотя началась она задолго еще в прежнем Петербурге. В Москву Сергей Александрович до переезда туда Академии Наук ездил мало, бывал редко. В ученых кругах Москвы его знали мало, тогда как в Ленинграде, как мы это сегодня слышали, его знали очень хорошо. Однако с 1935 года, когда общие собрания, которые, как правило, происходили каждый месяц, перенесены были в Москву, Сергей Александрович до самого последнего времени (последний раз он был в Москве весной 1941 г.) был посетителем Москвы, постоянно принимал участие в сессиях Отделения истории и философии, заседаниях институтов. Его участие в заседаниях того же Института истории было самым живым, он во все входил, всем интересовался. Стоило посмотреть, как много народу было в приемной Отделения истории и философии в дни сессии, народу, который жаждал побеседовать с Сергеем Александровичем, посоветоваться, проконсультироваться. Это не были праздные посетители, это не были знакомые, друзья, нет, это были люди, которые хотели посоветоваться с С. А. Жебелевым, как с ученым.

Я не могу не напомнить присутствующим того замечательного эпизода, который имел место год и месяц тому назад. В конце декабря 1940 года была сессия Отделения. Только что, за несколько дней перед этим, в Ленинграде торжественно был отпразднован пятидесятилетний юбилей научной и педагогической деятельности С. А. Жебелева. Казалось бы, что еще нужно — прошел юбилей, и все. Но в Москве почти самотеком возникло желание повторить празднование юбилея. Этот второй юбилей был действительно чествованием С. А. Жебелева, чествованием, в котором приняли участие все те научные силы, которые почему-либо не смогли почтить юбиляра в Ленинграде. Несколько докладов, необычайно душевных, проникнутых большой теплотой, отмечали то особое специфическое отношение С. А. Жебелева к науке и занимающимся ею, которое было отмечено также и сегодня. Говорили о Сергее Александровиче, о его отношении к людям и науке. Все это было чрезвычайно сердечно и душевно. Это, пожалуй, самая главная, основная черта, которую я склонен был бы сейчас отметить применительно к этому торжеству, которое имело место год и месяц тому назад.

Очень скоро после этого чествования один из ученых, участников празднования юбилея, умер⁸¹, и С. А. Жебелеву пришлось занять его место как руководителя Сектора

⁸¹ Речь идет об Иване Александровиче Джавахишвили (11 (23) апреля 1876—18 ноября 1940), академике АН СССР (с 1939).

античной истории в Институте истории Академии наук. Этот сектор развивался медленно, в Москве не было таких сил, какие были издавна в Ленинграде, где С. А. Жебелев поддерживал и двигал вперед те блестящие традиции разработки культуры, литературы древнего мира, которые сложились в Ленинградском, тогдашнем Петербургском, университете еще во второй половине XIX в. Этого, повторяю, в Москве не было, и С. А. Жебелеву пришлось положить начало развитию данного сектора.

Вот несколько небольших фактов, о которых мне хотелось сказать. Может быть, они не особенно значительны, но, думается, вопрос об отношении С. А. Жебелева к московским ученым и московских ученых к С. А. Жебелеву, стоило отметить на сегодняшнем заседании, посвященном его памяти.

С. А. Жебелев был всегда необычайно строг к себе, требовал много и от других. Внешне он был немного суховат, подтянут. Эта строгость к самому себе, к своим занятиям, к своей работе, к науке и делала С. А. Жебелева таким блестящим представителем науки.

Сегодня мы слышали в последнем докладе, как тяжелы были последние дни жизни С. А. Жебелева и как стоек и мужественен был он. Это — стойкость гражданина, стойкость советского патриота. Мы можем единодушно сказать — вечная память этому прекрасному представителю русской и советской науки.

⟨...⟩

Смерть на посту. Памяти С. А. Жебелева⁸²

МАЦУЛЕВИЧ. — Есть люди темпераментные, по существу властные, их воля закалена с юношеских лет, и они продолжают крепить ее упорно; дисциплина — их жизненный нерв. Они неумолимые труженики, и всякое дело, к какому бы они ни прикоснулись — а пройти стороной от ответственного предприятия несовместимо с сущностью их натуры — неминуемо оказывается всецело в их преданных руках; оно как бы срастается с ними, и они с ним срастаются любящей душой.

Они, несмотря на то, что ведут сами напряженную исследовательскую работу, раскрепощают других от многих мелких и средних забот, от всего трудоемкого и хлопотного, а сами не гнушаются никакой нагрузкой.

Они, будучи подлинными учеными, с такой простотой и покоряющей четкостью подойдут к тебе, к твоей рукописи, вложат столько мастерства и заботы в твоё творческое дело, что в отношениях с ними как-то внезапно расцветает интимное доверие и дружба.

Они при этом не заискивают, — напротив, их замечания непреклонны и почти беспощадны; во всем видна глубокая принципиальность, суровая требовательность к себе, какая-то прямая-прямая жизненная линия.

Они, с душой нежной и ищущей нежности, сами готовы оказывать всяческую поддержку и расширять свою опеку даже на самый быт людей, которых они оценили в редакциях или в рабочих кабинетах.

Они могут высказываться на людях громким, невольно обращающим на себя внимание голосом — подчас слишком громким; их суждения часто облечены в безапелляционную форму, к тому же с оттенком суховатого поучения.

— При всем этом определяющим личность людей данного типа служит сдержанная скромность.

Тогда как знающие их ближе, в том числе люди широкого размаха, можно сказать, не в состоянии обходиться в своей деятельности без человека такого склада, легко может стать, что сторонний зритель не выделит их в веренице заурядных встреч и вовсе не заметит крупного жизненного дела их, не выставяемого напоказ, не рекламируемого.

⁸² Название доклада вписано в текст стенограммы Л. А. Мацулевичем.

К числу подобных натур принадлежал недавно скончавшийся в Ленинграде Сергей Александрович Жебелев — с 1914 г. член-корреспондент, с 1927 г. действительный член Академии Наук СССР⁸³.

В самом деле, вспомним для примера деятельность Сергея Александровича в Журнале Министерства народного просвещения, где он в течение 15 лет, с 1903 до 1918 гг., т.е. до момента прекращения журнала, был членом редакции и редактором Отдела классической филологии. Журнал этот в своей неофициальной части был хорошо поставленным научным ежемесячником, многосторонне отражавшим научную мысль. Это был один из самых солидных наших журналов. В нем печатались виднейшие ученые того времени, многие здравствующие поныне академики, члены-корреспонденты, профессора.

В течение долгих лет редактором журнала был Э.Л. Радлов⁸⁴. Последний настолько доверял С. А. Жебелеву и так высоко ценил его, что порекомендовал ему ряд редакторских и организационных функций. Из редактора одного отдела Сергей Александрович превратился в центральную фигуру, в жизненный нерв издания.

В частности, мастерству ведения дела именно С. А. Жебелевым мы обязаны, что Журнал Министерства народного просвещения мог гордиться замечательной четкостью своих обязательств. На задней странице обложки каждого месячного номера печатно фиксировалась дата рассылки книги: «вышел 1-го числа данного месяца». Всегда первого! Это достигалось не только тем, что редакция обеспечивала себя рукописями более, чем на полгода, а особенно тем, что С. А. Жебелев сумел организовать дело так, что материал бывал окончательно подготовлен к печати заблаговременно — номера на 4 вперед, что одновременно находилось в наборе ли, в верстке ли, в брошюровке ли 3—4 очередных номера.

С. А. Жебелев списывался со многими работниками провинциальных университетов, поддерживал их начинания, обрабатывал рукописи; он обеспечивал приток доброкачественного материала и высокое качество его редактирования.

Известны случаи, когда Сергей Александрович по просьбе или с согласия авторов сжимал непомерно разросшиеся работы, и делал это он с таким тактом, с таким пониманием разрабатываемых в статье проблем, что авторы оказывались преисполненными глубокой благодарности.

Они часто становились его друзьями: они узнавали благородство его, сближались с ним во время работы. И это были люди разных национальностей — и русские, и украинцы, и армяне, и грузины, и евреи и т.д.

Объясняется это тем, что Сергей Александрович сам был и оставался до конца дней чутким исследователем, стоящим на широкой филологической, исторической и лингвистической базе. Ему были близки все виды источников от письменных, языковых до археологических и искусствоведческих. Его интересы охватывали вопросы, как будто далекие от его специальности, но близкие ему как культурному человеку и патриоту русской, а затем советской науки. Во время редактирования С. А. Жебелев сам переходил к изысканиям, подсказанным редактируемой работой. Результаты таких изысканий в большинстве в печати не появлялись, кроме разве как в редакторской правке или в редакторских предложениях авторам.

⁸³ Основные биографические данные и список печатных трудов С. А. Жебелева см.: ВДИ, 1940 № 1, стр. 176—187; Советская Археология, т. VII (1941), стр. 7—15. [Прим. Л. А. Мацулевича].

⁸⁴ Имя и отчество — Эрнест Львович, первоначально указанные в стенограмме полностью, Мацулевич зачеркнул, оставив только инициалы. Эрнест Львович Радлов (1854—1928) — русский философ, историк философии, филолог и переводчик, редактор *ЖМНП* с 1899 г.

Известен, например, случай с исследованием покойного академика Я. И. Смирнова о фригийском боге-месяце⁸⁵. Статья, предназначенная для сборника в честь Соколова, должна была печататься на средства автора. А таковых было мало. Подобный расход надолго бы отразился на материальном положении автора. И вот, статья была переоформлена Жебелевым, конечно, с согласия Я. И. Смирнова.

Здесь сказалась и другая черта Сергея Александровича — это дружеская забота о жизни, о благополучии, наконец, просто о материальном обеспечении соприкасавшихся с ним людей. Академик В. В. Струве рассказал мне как-то, как однажды к покойному академику Тураеву зашел Жебелев со словами: «поедьте спасать Шилейку». И оба очень занятых профессора отправились к нему. Покойный В. К. Шилейко⁸⁶ был многим жизненно обязан Жебелеву. Да разве один Шилейко!

Напомню, кстати, это не все знают, что работы многих ученых, не законченные изданием при жизни авторов, были завершены после их смерти С. А. Жебелевым. Таков III том *Byzantina* Беляева; таков II том книги Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России» и др.

Эта сторона деятельности С. А. Жебелева оставалась вне поля зрения сторонних людей, как оставалось в тайниках редакции и читателю неизвестным, что душой производства Журнала Министерства народного просвещения был Жебелев. На внутренней стороне зеленой обложки журнала помещалась подпись лишь редактора Э. Л. Радлова.

В связи с деятельностью Сергея Александровича в Журнале Министерства народного просвещения вспоминаю мою последнюю встречу и нашу последнюю беседу с ним.

Это было в середине сентября минувшего 1941 года в столовой Академии Наук в Ленинграде. В полуподвальном помещении столовой с заложенными кирпичом окнами для защиты от осколков мы были застигнуты часа на полтора-два воздушной тревогой. Пальба наших зениток усиливалась, включались в бой ближние батареи. Было слышно хлопанье моторов вражеских самолетов. Сергей Александрович сидел сосредоточенно, предавался воспоминаниям, рассказывал.

Он гордился тем, что ему удалось довести Журнал до конца, не оборвать незаконченным 1917 год. Последний 72-й том новой серии был издан уже Народным Комиссариатом по просвещению с предисловием Комиссариата. На 55 страницах официальной части книги напечатаны первые декреты, распоряжения, обращения, воззвания Советской власти, относящиеся к просвещению, вопросам культуры и охраны культурного наследства.

Так знаменательно 15-летняя деятельность С. А. Жебелева в Журнале Министерства народного просвещения слилась с жизнью новой эры. Он, близко стоявший к своему другу — академику Н. Я. Марру, исключительно высоко ценившему Сергея Александровича, не оказался в оппозиции, а принял Советскую власть сразу.

Вспоминал в эту последнюю нашу встречу Сергей Александрович и иные моменты, еще дореволюционного времени. Беседу он вел в этой тревожной обстановке воздушного налета тихим голосом. Вдруг оживился и воскликнул: «а ведь вам, батенька, никогда не приходилось быть секундантом...».

И он красочно рассказал следующий эпизод, связанный с его влиятельным положением в редакции ЖМНП.

⁸⁵ Речь идет о статье: Смирнов, Я. И. О фригийском боге Месяце. В сб.: *Στεφανος. Сб. статей в честь Федора Федоровича Соколова*. СПб., 1895. Яков Иванович Смирнов (1869—1918) — русский археолог и историк искусства, чл.-корр. Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (с 1907 г.), ординарный академик РАН по Отделению русского языка и словесности (с 1917 г.). Я. И. Смирнов — старинный и близкий друг С. А. Жебелева, состоял с ним в активной переписке. Об этом см. Tunkina, Frolov 1993, 181—187 (воспоминания С. А. Жебелева о Я. И. Смирнове); Tikhonov 2009, 449—470.

⁸⁶ Владимир (Вольдемар) Казимирович Шилейко (1891—1930) — востоковед, поэт и переводчик, второй муж Анны Ахматовой.

Э. Л. Радлов, стремясь возможно шире отразить в возглавляемом им журнале различные общественные течения, привлекал к редактированию отделов людей противоположных политических направлений. Между прочим, был приглашен и редактор одного крупного либерального журнала-ежемесячника того времени⁸⁷. Радлов при этом полагался на свой авторитет, опыт и жизненный такт.

Однако на одном из заседаний редакции разыгралось следующее. Представитель реакционных течений позволил себе грубую выходку против передовой прессы того времени и в частности против редактора одного из отделов Журнала Министерства народного просвещения. Инцидент разыгрался столь мгновенно, что Радлов и слова не успел вымолвить, как подвергшийся оскорблению встал из-за стола со словами что он знает, что ему осталось делать, и грозно вышел.

Это был человек отменно высокий, крепкого сложения.

Обидчик тоже поднялся — он был плюгавенький, жидкий.

— Что Вы наделали! — произнес Радлов. — В какое положение Вы поставили наш журнал!

Обидчик храбрился. Сергей Александрович указал тогда ему, разве он не понимает, что ушедший пришлет секунданта с вызовом на дуэль. Он указал, что тот стрелок изрядный, а обидчик и пистолета в руках не держал. Наконец, он указал на рост и силу обиженного, который просто раздавить может обидчика.

Жебелев неспроста говорил так, он знал, как нужно действовать с подобным субъектом.

Напуганный обидчик стал податлив. В поисках выхода, он согласился написать извинительное письмо и обратился к Сергею Александровичу — быть его секундантом и передать это письмо.

Сергей Александрович отправился на квартиру к оскорбленному и вручил ему послание. Он, конечно, не упоминал о возможности дуэли и о том, что к нему уже обращена просьба обидчика быть секундантом.

Обиженный не удовлетворился привезенным письмом, но, идя на доводы Сергея Александровича, поставил условием публичное, в присутствии всей редакции, извинение, осуждение своего поступка и отказ от своих слов.

И не без смака Сергей Александрович прибавил, что и этот второй потенциальный дуэлянт просил его быть секундантом в случае, если его условия не будут приняты оскорбителем. Все было улажено, и энергичные действия двойного секунданта были покрыты авторитетом Радлова.

Этот исключительный эпизод, так сказать, гипертрофически вырисовывает скрытую от широких глаз роль Жебелева в зыбкой мелкобуржуазной предреволюционной среде, где протекала его деятельность.

Параллельно с Журналом Министерства народного просвещения С. А. Жебелев вел издание другого выдающегося научного журнала — Записок классического и византийского отделения Русского Археологического Общества. Он 24 года был секретарем этого Отделения — с 1894 по 1918 г. Издание Записок было поставлено им на исключительную высоту. Редактор обеспечивал авторов максимальным количеством прекрасно исполненных иллюстраций, поощряя авторов на увеличение их, сам подыскивая лучшие для воспроизведения образцы. Томы Записок классического отделения отличались от остальных Записок не только цветом голубоватой обложки, но и качеством бумаги, потому что Сергей Александрович был знатоком и ценителем хорошей бумаги, хорошо оформленной книги.

Во всей редакторской и издательской деятельности Жебелева, в его, так сказать, прямой-прямой жизненной линии можно проследить направляющую идею: уважение

⁸⁷ Название журнала зачеркнуто Л. А. Мацулевичем — видимо, это «Русское богатство», ежемесячный либеральный литературный и научный журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге с 1876 по 1918 г. Данный эпизод мог произойти в период до 1914 г. (с 1914 г. журнал поменял свое название на «Русские записки»).

к русской науке, высокая оценка ее достижений, защита ее от недооценки, всесторонняя помощь ее развитию, пропаганда ее достижений.

Поэтому Сергей Александрович не жалел своих сил, чтобы публикации русских исследований были оформлены и иллюстрированы не только не ниже европейских изданий подобного рода, но еще полнее и лучше.

Степень преданности человека науке определяла его личное отношение к данному человеку: «грешно будет забыть, — писал он в некрологе Бузескула, — что вся полувекковая деятельность Владислава Петровича ознаменована исключительной преданностью интересам научного знания» (ИАН СССР, 1931, № 10).

Любопытно, кстати, отметить то значительное количество некрологов, которые написаны Жебелевым. Он проводил памятным словом и маститых ученых и начинающих юношей. Во всех этих теплых памятных строках характерна та же черта⁸⁸. Автор стремится собрать мелкие черточки, сохранить их от забвения и воссоздать на примере законченного жизненного пути то крупное научное дело, которое выполнено трудами ученых России, а затем учеными Советского Союза. Когда читаешь эти некрологи, фигура ушедших встает перед нами своими обаятельными сторонами, как живая. Становится ясным и другое — почему они любили этого скромного, подчас резкого человека, почему у Сергея Александровича было столько друзей. А в числе их были личности выдающиеся, деятели передовые.

Память умерших он бережно ограждал и у самой могилы. Мне рассказывали, как в последние годы, весной, когда тают снега, он направлялся на литературские мостки Волкова кладбища в Ленинграде, проверял, в порядке ли надписи на памятниках, не обезличены ли могилы дореволюционных и советских ученых. Он лично принимал участие в редактировании многих памятных табличек. Но было несправедливо усматривать в таких интимных заботах — от некролога до кладбищенской памятки — националистическую узость или, тем более, шовинизм. Он глубоко ценил европейскую науку и имел среди ее представителей подлинных друзей, например, английского ученого Э. Миннса⁸⁹. На смерть иностранных ученых Сергей Александрович откликнулся тоже рядом некрологов (Вильмовиц-Меллендорф⁹⁰, А. Гейзенберг, Г. Дильс, А. Кирхгоф, Д. Компаретти, Э. Легран, А. Михаэлис, П. Фукар, А. Фуртвенглер и друг.). Своими поминками иностранных ученых он, между прочим, стремился ввести в круг сравнительно широкого читателя и студенчества знакомство с передовыми достижениями мировой науки. Сергей Александрович не уставал твердить и воспитывать в молодежи, что нельзя замыкаться в узком кругу вопросов и памятников одного района, а необходимо широкое знакомство с памятниками других стран, с иностранной наукой, с проблемами, выдвинутыми ей.

При этом он требовал от своих учеников, и вообще от научных работ, точности, доведения обосновываемых положений до предельной ясности и четкости.

Помимо того, что Сергей Александрович почти в течение всей своей сознательной жизни вел педагогическую работу, он много труда посвятил популяризации знания. Характерно, что, будучи хранителем Музея древностей Петербургского (ныне Ленинградского) университета, он считал обязанностью составить Систематический каталог библиотеки, занимающий 128 печатных страниц (СПб., 1901). Это был полезный справочник, и он много помог нам в наши молодые годы. Ряд же других, широко распространенных, популярно написанных им книг и справочных сводок общеизвестны.

С. А. Жебелев был по специальности классиком. Вместе с тем он всегда был в курсе проблем византиноведения и был связан тесными узами с основоположниками науки

⁸⁸ Так в тексте.

⁸⁹ Эллис Ховелл Миннс (Ellis Hovell Minns, 1874–1953) — британский археолог, историк античности и славист, профессор Кембриджского университета. О научных связях и дружеских отношениях С. А. Жебелева, М. И. Ростовцева и Э. Ч. Миннса см. Bongard-Levin 1997, 305–328; Bongard-Levin, Bukharin, Tunkina 2003, 477–544.

⁹⁰ Так в тексте, без инициалов.

византиноведения, особенно с таким титаном, как Н. П. Кондаков; был тесно связан с учеными, занимавшимися областью византино-русских, византино-славянских отношений. Он, между прочим, сам перевел и опубликовал отрывок о славянах Маврикия Стратега.

Три года тому назад С. А. Жебелев с полным правом и гордостью мог писать: «В лице Васильевского, Успенского и Кондакова византиноведение поднято было у нас на такую высоту, как едва ли какая другая из исторических дисциплин. Вся европейская наука преклонялась перед этими именами, а мы этими именами вправе гордиться» (ВДИ, 1938, № 4, стр. 15). А к ним — к этим трем именам, скажем от себя, можно присоединить и другие.

Упоминая в той же статье Manuel Ch. Diehl'я⁹¹, он морально не мог не подчеркнуть, что это французское руководство «полно ссылок на труды русских ученых» (там же, стр. 18).

Оценивая заслуги нашего византиноведения в прошлом, С. А. Жебелев считал себя не вправе скрыть, что советское византиноведение еще не успело занять того ведущего места, которое по праву должно принадлежать ему в нашей стране.

И вот в конце 1938 года он печатает статью «Русское византиноведение, его прошлое, его задачи в советской науке» (ВДИ, 1938, № 4, стр. 13 сл.). В ней он устанавливает, что византиноведение «у нас в СССР стоит на пути возрождения в связи с актуализацией исследования русско-византийских отношений и вопросов древнего периода истории СССР» (стр. 20). Он первый громогласно заявил об этом начале возрождения, только не полностью выдвинул очередные задачи. У нас — в единственной в мире стране, где равноправие и равноценность народов Востока не только признаны, но осуществлены в жизни — в науке и в практике, византиноведение получает необозримые возможности. Оно неделимо сливается с востоковедением и должно дать величественную картину взаимоотношений народов Востока, великих цивилизаций Востока и наследия античной цивилизации Европы. Оно должно поистине перекинуть «Золотой мост» не только из Византии на Восток, но и с Востока в Византию. Поэтому очередной задачей его стало показать те великие вклады, которые внесли народы Востока, народы СССР в частности, в сокровищницу мировой культуры за все средневековье. При этом, само собой разумеется, не должно быть упущено и выяснение роли Византии, на разных этапах ее истории, в варварских и восточных странах; историческое значение ее самой ни в коем случае не должно быть умалено.

В грозные дни нависших над Ленинградом событий Жебелев остался верным линии своего жизненного пути. В героическом Ленинграде он на своем посту был одним из тех героев, которыми держится бодрость нашего родного Ленинграда, заслужившего всемирную славу города-героя. Более молодые сослуживцы Жебелева рыли окопы, юноши ушли на фронт большей частью добровольцами. Археологи ИИМКа, привыкшие к раскопочным полевым работам, выдвигались на первые места по мастерству изготовления рвов и окопов.

74-летнему С. А. Жебелеву, конечно, не приходилось рыть окопы. Ему надлежало оставаться на фронте культурной работы и там на своем участке — а участки в Ленинграде ответственны все — показать себя героем.

История отметит разительный, на первый взгляд несовместимый с обычным понятием войны, факт. Советская молодежь героически бьется на фронте. А в дни передышек эта молодежь отпускалась военным командованием в ученые учреждения для защиты своих диссертаций, диспут по которым не успел состояться до коварного июньского нападения на нас германцев. — Жебелев участник диспутов.

В осажденном Ленинграде не смолкла даже симфоническая музыка. Мне пишут оставшиеся там товарищи, как группа ИИМК'овцев ходила на концерт, посвященный Чайковскому. Среди них 74-летний Жебелев. Он был знатоком и ценителем музыки и был лично связан с некоторыми композиторами.

⁹¹ Diehl, Ch. *Manuel de l'art byzantin*. Paris, 1910.

В эти же грозные дни директор Эрмитажа академик Орбели направляет внимание своих сотрудников на научные проблемы, на перспективы исследовательских работ в 1942 г. В перерывах между тревогами эрмитажники спускаются со своих постов военного времени — постов пожарных, охранников, дежурных. Они готовят празднования в Эрмитаже юбилеев Низами, затем Навои. На парадных заседаниях, где было, как мне пишут, светло, тепло и уютно, по-новому звучат слова великих поэтов в только что сделанных эрмитажниками переводах, мысли и музыка которых проверены и оправданы в звуках канонад.

Жебелев, верный своему отношению к заслугам русской науки, организует заседание в память столетия со дня рождения профессора Петербургского, ныне Ленинградского университета Ф. Ф. Соколова — историка-классика, учителя многих выдающихся ученых.

В условиях частной неподачи света и продовольственных затруднений С. А. Жебелев бодрит товарищей (последнее время он стоял во главе ИИМКа и ИЯМа) и направляет их мысль на культурные задачи будущего и на героики научного прошлого. Он редактирует рукописи, он консультирует горячо, страстно.

В разновременные полученные мной письма от товарищей постоянно попадают сочувственные упоминания о С. А. Жебелеве.

В письме от 30.XI.41, между прочим, пишут, следующее: «С удовольствием часто беседую теперь с Сергеем Александровичем — крепче он многих, бодрее и здоровее; говорим с ним и о музыке, и о людях, и о прошлых университетских годах; 11-го в Институте истории будет заседание, посвященное столетию со дня рождения Ф. Ф. Соколова. Сергей Александрович, худенький теперь, как и все, и маленький, еще более маленький, чем всегда, выступит с докладом. Ничем не хочет он выделяться среди других, и потому горделиво отказывается от всяких дополнительных снабжений... Молодчина».

В этом «молодчина», сорвавшаяся из глубины души, так отчетливо ярко раскрывается перед нами, какой отклик, какую оценку нашли в среде окружавших Жебелева товарищей-ленинградцев его духовная бодрость и мужество, невзирая на физическую слабость, его непоколебимое стояние на посту.

Выступление на заседании в память Ф. Ф. Соколова было, вероятно, последним публичным выступлением С. А. Жебелева. До нас еще не дошли подробности его смерти (28.XII.41 г.). Он скончался в Ленинграде в дни начавшегося разгрома гитлеризма. Выдержанностью и стойкостью на своем посту он еще раз подтвердил свое право называться советским гражданином — быть достойным гражданином величественных дней славного города Ленина.

Стенограмма проверена

Мацулевич

Ташкент 27.3.1942

Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 54. Л. 1, 23–24, 29–37.

Литература/References

- Bazhenova, N.M. 2015: [The Scientists, heroes of Leningrad blockade: S. A. Zhebelev] *Evrasijskiy soyuz uchenykh* [Eurasian Union of Scholars] 7 (16), 32–34.
- Баженова, Н. М. Ученые — герои Ленинградской блокады: председатель Комиссии Президиума АН СССР по делам ленинградских учреждений академик Сергей Александрович Жебелев. *Евразийский союз ученых*, 7 (16), 32–34 (<http://ros-vos.net/history/ippo/rpo/10/jebelev/2>).
- Bongard-Levin, G.M. 1997: [M. I. Rostovtzeff and E. H. Minns: From Scythia to China and Japan]. In: G. M. Bongard-Levin (ed.), *Skifskiy Roman* [The Scythian Novel]. Moscow, 305–328.
- Бонгард-Левин, Г. М. М. И. Ростовцев и Э. Х. Миннс: от Скифии до Китая и Японии. В кн.: Г. М. Бонгард-Левин (ред.), *Скифский роман*. М., 305–328.
- Bongard-Levin, G.M., Bukharin, M.D., Tunkina, I.V. 2003: [Scythian world of M. I. Rostovtzeff and E. H. Minns]. In: G. M. Bongard-Levin, Yu. N. Litvinenko (eds), *Parfyanskiy vystrel* [The Parthian Shot]. Moscow, 477–544.

- Бонгард-Левин, Г.М., Бухарин, М.Д., Тункина, И. В. Скифский мир М. И. Ростовцева и Э.Х. Миннза. В кн.: Г.М. Бонгард-Левин, Ю. Н. Литвиненко (ред.), *Парфянский выстрел*. М., 477–544.
- Bugaeva, N.V., Ladynin, I.A. 2016: [Our textbook on ancient history will pass exam...]. In: G. G. Donskoy, I. A. Ladynin (eds), *Sovetskiy landschaft drevney oikumeny* [*The Soviet Landscape of the Ancient World*]. Moscow, 187–194.
- Бугаева, Н.В., Ладынин, И.А. «Наш учебник по древней истории выдержит экзамен...». Заседание кафедры древней истории исторического факультета МГУ и сектора древней истории Института истории АН СССР 22 марта 1949 г. В кн.: Г. Г. Донской, И. А. Ладынин (ред.), *Советский ландшафт древней ойкумены: отечественная наука о древнем Востоке и античности в 1920–1980-е гг.* М., 187–194.
- Bukhert, V.G. 2016: [“In these threatening days we should be together”. The Letters of acad. B. D. Grekov. Years 1941–1944]. In: *Velikaya Otechestvennaya voyna v sovremennom obshchestvenno-politicheskom soznanii* [*The Great Patriotic War in Modern Socio-Political Consciousness. Papers of the Conference*]. Moscow, 95–114.
- Бухерт, В.Г. «В эти грозные дни надо было быть вместе». Письма академика Б. Д. Грекова. 1941–1944 гг. В кн.: Е. И. Пивовар (ред.), *Великая Отечественная война в современном общественно-историческом сознании (историческая память, восприятие, увековечение): Материалы Всероссийской научной конференции*. М., 95–114.
- Diehl, E. 1940: [The Sixth International Archaeological Congress in Berlin (August, 20–26, 1939)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 214–216.
- Диль, Э. VI Международный археологический съезд в Берлине (20–26 августа 1939 г.). *ВДИ* 1, 214–216.
- Formozov, A.A. 2006: *Russkie arkheologi v period totalitarizma* [*Russian Archaeologists of Totalitarian Period. Historiographical Studies*]. 2nd ed. Moscow.
- Формозов, А.А. *Русские археологи в период тоталитаризма. Историографические очерки*. 2-е изд. М.
- Frolov, E.D. 2006: *Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki* [*Russian Scholarship on Antiquity. Historiographical Studies*]. 2nd ed. Saint Petersburg.
- Фролов, Э.Д. *Русская наука об античности. Историографические очерки*. 2-е изд. СПб.
- Gavrilov, A.K. 1992: [The Scythians of Saumacus: Uprising or Invasion? (IosPE I² 352–Syll.³ 709)]. In: A. K. Gavrilov et al. (eds), *Etyudy po antichnoy istorii i kul'ture Severnogo Prichernomor'ya* [*Studies in History and Culture of the Northern Black Sea Region in Antiquity*]. Saint Petersburg, 53–73.
- Гаврилов, А. К. Скифы Савмака – восстание или вторжение? (IosPE I² 352–Syll.³ 709). В кн.: А. К. Гаврилов и др. (ред.), *Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья*. СПб., 53–73.
- Karpyuk, S.G., Malyugin, O.I. 2017: [“Soviet antiquity”, view from the 21st century.] *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 459–464.
- Карпюк, С.Г., Малугин, О.И. «Советская древность», взгляд из XXI века. *ВДИ* 2, 459–464.
- Kol'tsov, A.V. 2000: [“What I went through last month I'll never forget”: Zhebelyov's Note on so-called 'evacuation' from Leningrad]. In: *Deyateli russkoy nauki XIX–XX vekov* [*Persons of Russian Science, 19th–20th centuries*]. Issue 2. Saint Petersburg, 349–370.
- Кольцов, А.В. «Пережитого за истекший месяц я не забуду» (Записка академика С.А. Жебелёва о несостоявшейся «эвакуации» из Ленинграда). В сб.: *Деятели русской науки XIX–XX веков*. Вып. 2. СПб., 349–370.
- Krikh, S.B. 2013: *Obraz drevnosti v sovetskoj istoriografii* [*The Image of Antiquity in Soviet Historiography*]. Moscow.
- Крих, С. Б. *Образ древности в советской историографии*. М.
- Kulishova, O.V., Frolov, E.D. 2017: [The 18th Zhebelev Conference at St. Petersburg State University (St. Petersburg, October, 19–21, 2016)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 497–505.
- Кулишова, О.В., Фролов, Э.Д. Восемнадцатые Жебелёвские чтения в Санкт-Петербургском государственном университете (19–21 октября 2016 г.). *ВДИ* 2, 497–505.
- Solenikova, E.V. 2004: [L. A. Matsulevich: Archive of the Scholar]. In: I. P. Medvedev (ed.), *Mir russkoy vizantinistiki: materialy arkhivov Sankt-Peterburga* [*The World of Russian Byzantine Studies: Files from the Archives of St. Petersburg*]. Saint Petersburg, 436–457.
- Соленикова, Е.В. Л. А. Матсулевич: архив ученого В кн.: И. П. Медведев (ред.), *Мир русской византистики. Материалы архивов Санкт-Петербурга*. СПб., 436–457.
- Tikhonov, I.L. 2009: [Ya. I. Smirnov at St. Petersburg University: student, magister, privat-docent]. *Mnemon* 8, 449–470.

- Тихонов, И.Л. Я. И. Смирнов в Петербургском университете: студент, магистрант, приват-доцент. *Мнемон*, 8, 449–470.
- Tunkina, I.V. 1997: [The Letters of M. I. Rostovtzeff to S. A. Zhebelev, F. I. Uspenskii, N. Ya. Marr. Published by I. V. Tunkina]. In: G. M. Bongard-Levin (ed.), *Skifskiy Roman [The Scythian Novel]*. Moscow, 369–415.
- Письма М. И. Ростовцева С. А. Жебелеву, Ф. И. Успенскому, Н. Я. Марру. Публ. И. В. Тункиной. В кн.: Г. М. Бонгард-Левин (ред.), *Скифский роман*. М., 369–415.
- Tunkina, I.V. 2000: [The File of S. A. Zhebelev]. *Drevniy mir i my: klassicheskoe nasledie v Evrope i Rossii [Ancient World and Us: Classical Tradition in Europe and Russia]*, II, 116–161.
- Тункина, И.В. «Дело» академика Жебелёва. *Древний мир и мы: Классическое наследие в Европе и России*, II, 116–161.
- Tunkina, I.V. 2017a: [Matsulevich, Leonid A. (1886–1959)]. In: I. V. Tunkina (ed.), *S. A. Zhebelev. Russkoe arkheologicheskoe obshchestvo. Prilozhenie: Biobibliograficheskiy slovar' chlenov RAS. [The Russian Archaeological Society (1897–1921). Supplement: Bibliographic Dictionary of Members of the RAS (1846–1924)]*. Moscow, 426.
- Тункина, И. В. Мацулевич Леонид Антонович (1886–1959). В кн.: Тункина, И.В. (ред.), *С. А. Жебелёв. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования (1897–1921). Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924)*. М., 426.
- Tunkina, I.V. 2017b: [Zhebelev, Sergey A. (1867–1941)]. In: I. V. Tunkina (ed.), *S. A. Zhebelev. Russkoe arkheologicheskoe obshchestvo. Prilozhenie: Biobibliograficheskiy slovar' chlenov RAO. [The Russian Archaeological Society (1897–1921). Supplement: Bibliographic Dictionary of Members of the RAS (1846–1924)]*. Moscow, 311–313.
- Тункина, И. В. Жебелёв Сергей Александрович (1867–1941). В кн.: Тункина, И.В. (ред.), *С. А. Жебелёв. Русское археологическое общество за третью четверть века своего существования (1897–1921). Приложение: Биобиблиографический словарь членов РАО (1846–1924)*. М., 311–313.
- Tunkina, I.V., Frolov, E.D. 1993: [Historiographical articles of S. A. Zhebelev]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 182–194; 2, 172–201; 3, 180–202; 4, 187–209.
- Тункина, И.В., Фролов, Э.Д. Историографические этюды С.А. Жебелева (вступит. статьи и публикация текста). *ВДИ* 1, 182–194; 2, 172–201; 3, 180–202; 4, 187–209.
- Žébélév, S. 1936: L'abdication de Pairisadès et la révolution scythe dans le royaume du Bosphore. *Revue des Études Grecques* 49, 229, 17–37.
- Zhebelev, S.A. 1938: [The Last Perisad and the Scythian Uprising in Bosphorus]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 49–71.
- Жебелев, С.А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре. *ВДИ* 3, 49–71.
- Zhebelev 1940: [The 50th anniversary of S. A. Zhebelev's academic work]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 1, 160–187.
- К 50-летию научной-исследовательской и общественно-педагогической деятельности академика С. А. Жебелева. *ВДИ* 1, 160–187.
- Zhebelev 1968: [The 100th anniversary of acad. S. A. Zhebelev]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 3, 145–175.
- К 100-летию со дня рождения акад. С. А. Жебелева. *ВДИ* 3, 145–175.
- Zhebelev, S.A. 1993: [Self-made obituary notice (1932)]. *Vestnik drevney istorii [Journal of Ancient History]* 2, 172–201.
- Жебелев, С. А. Автонекролог (1932). *ВДИ* 2, 172–201.